

the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) and the *New England Journal of Medicine* (NEJM).

These journals are the most widely read and cited in the field of medicine. They are also the most expensive. The subscription rates for JAMA and NEJM are \$1,200 and \$1,100, respectively.

The subscription rates for the other journals are significantly lower. For example, the subscription rate for the *British Medical Journal* (BMJ) is \$400.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *Lancet* is \$300.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *New England Journal of Medicine* is \$1,100.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *Journal of the American Medical Association* is \$1,200.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *British Medical Journal* is \$400.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *Lancet* is \$300.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *New England Journal of Medicine* is \$1,100.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *Journal of the American Medical Association* is \$1,200.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *British Medical Journal* is \$400.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *Lancet* is \$300.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *New England Journal of Medicine* is \$1,100.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *Journal of the American Medical Association* is \$1,200.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *British Medical Journal* is \$400.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *Lancet* is \$300.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *New England Journal of Medicine* is \$1,100.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *Journal of the American Medical Association* is \$1,200.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *British Medical Journal* is \$400.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *Lancet* is \$300.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *New England Journal of Medicine* is \$1,100.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *Journal of the American Medical Association* is \$1,200.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *British Medical Journal* is \$400.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *Lancet* is \$300.

The subscription rates for the other journals are also significantly lower. For example, the subscription rate for the *New England Journal of Medicine* is \$1,100.

Алекс Скай

Размер XL. Невеста с характером

«Автор»

2026

Скай А.

Размер XL. Невеста с характером / А. Скай — «Автор», 2026

Меня называли неформатом. Слишком громкая. Слишком резкая. Слишком не такая. А уже на следующий день властный Глеб Ордынцев предложил мне стать его фиктивной невестой. Всего-то нужно было улыбаться на семейном ужине, красиво молчать и не портить ему репутацию. Он думал, что купил удобную роль. Ошибся. Я перечеркнула его договор, переписала правила и случайно стала женщиной, которую его семья запомнила слишком хорошо. Теперь вместо одного ужина меня ждёт почти свадьба, бывшая Глеба, семейные интриги, пресса и мужчина, который привык всё контролировать кроме меня. Он хотел невесту на время. Получил женщину с характером. И если Глеб Ордынцев решил, что моё счастье можно оформить пунктом договора, ему придётся узнать главное: у меня не только размер XL. У меня ещё и гордость такого же размера.

© Скай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алекс Скай

Размер XL. Невеста с характером

Глава 1. Невеста по ошибке

Свадьба начала разваливаться ровно за сорок минут до выноса торта, и Варвара Синицына, как человек опытный, поняла это не по крикам матери невесты, не по дрожащей улыбке жениха и даже не по тому, что флористы перепутали белые пионы с розовыми гортензиями.

Она поняла это по лицу администратора ресторана.

Улыбка у администратора была такая, будто она уже видела пожар, развод, падение люстры и приезд налоговой одновременно, но всё ещё надеялась, что виноватой назначат не её.

— Варвара Сергеевна, — прошептала администратор, догнав её возле декоративной арки, увитой цветами, которые стоили как подержанная иномарка, — у нас маленький нюанс.

Варя остановилась.

На ней было тёмно-синее платье с запахом, туфли, которые выглядели элегантно только первые два часа, и выражение лица женщины, способной организовать мирный договор между двумя бывшими тещами, если у неё будет микрофон и пять минут тишины.

— Маленький нюанс, — повторила она. — Это когда у жениха галстук криво. Всё остальное называется катастрофой с банкетным меню. Докладывайте.

Администратор сглотнула.

— Ведущий застрял на другом конце города.

Варя медленно моргнула.

— Застрял — это стоит в пробке или решил начать новую жизнь в другом регионе?

— Говорит, пробка.

— Через сколько будет?

— Через час. Может, полтора.

Варя посмотрела в зал.

Двести восемнадцать гостей. Живая музыка. Свадебная арка. Невеста Алина, уже на грани слёз, потому что её мать за утро семь раз сказала фразу: Я же говорила, надо было брать пакет премиум плюс. Жених Миша, хороший парень с глазами испуганного лабрадора, поправлял запонки и делал вид, что не слышит, как его будущий тесть объясняет бармену разницу между достойным обслуживанием и позором на всю семью.

Варя выдохнула.

— Значит, ведущий теперь я.

Администратор побледнела.

— Вы?

— Нет, декоративный фикус. Конечно я.

— Но вы же координатор.

— Сегодня я ещё и громовод, переговорщик, свадебная няня для взрослых людей и, судя по лицу музыканта, скоро стану солисткой.

Она развернулась и пошла к сцене.

Свадьбы были похожи на красивые фотографии только в рекламных буклетах. В реальности это был живой организм: нервный, дорогой, капризный и склонный падать в обморок от любой мелочи. Варя любила этот хаос. Она умела видеть в нём ритм. Кто-то слышал фальшивую ноту, кто-то — капризную маму, кто-то — скандал на ровном месте, а Варя видела задачу.

И решала.

— Добрый вечер, дорогие гости! — сказала она в микрофон так уверенно, будто выступала перед этим залом всю жизнь. — У нас сегодня праздник любви, а любовь, как известно, не любит точных расписаний. Она любит красивые задержки, эффектные паузы и людей, которые умеют ждать счастья с бокалом лимонада в руке.

В зале засмеялись.

Первый смешок — робкий. Потом громче. Потом даже мать невесты перестала гипнотизировать кухонную дверь и посмотрела на Варю с подозрением, будто та могла испортить всё, но пока делала это слишком красиво, чтобы мешать.

Варя улыбнулась шире.

— А пока наш ведущий героически пробирается через город, предлагаю начать с того, что никогда не опаздывает: с любви родителей. Только прошу без длинных речей о том, как вы не спали ночами. Молодые уже выросли, теперь пусть сами не спят ночами от счастья.

Зал ожил.

Алина, стоявшая рядом с Мишей, выдохнула и одними губами сказала:

— Спасибо.

Варя едва заметно кивнула.

Первые десять минут она держала зал на чистой наглости и профессиональной улыбке. Следующие двадцать — на импровизации, семейных историях и умении вовремя выключать микрофон у родственников, которые слишком сильно любили правду. Потом выяснилось, что торт привезли не тот.

Не белый трёхъярусный с сахарными лилиями, как требовала невеста, а нежно-персиковый с золотой надписью: С юбилеем, Тамара!

Повар, выкативший его на служебной тележке, смотрел в пол с выражением человека, который предпочёл бы раствориться в креме.

— Кто такая Тамара? — спросила Варя.

— Не знаем, — прошептал он.

— Прекрасно. Значит, сегодня мы её не поздравляем.

— Что делать?

Варя посмотрела на торт, потом на повара, потом на часы.

— Уберите надпись.

— Она большая.

— Тамара, видимо, тоже. Уберите.

— А если не получится?

— Тогда ставим сверху цветы, свечи, фигурки молодожёнов и объявляем, что это авторское решение: любовь бывает не белой, а персиковой, потому что у неё живой характер.

Повар моргнул.

— Вы серьёзно?

— Я сейчас даже слишком серьёзна. Двигайтесь.

Она вернулась в зал, перехватила мать невесты возле президиума и мягко, но крепко взяла её под локоть.

— Ирина Викторовна, мне нужна ваша помощь.

Та мгновенно расправила плечи.

— Наконец-то.

— Только вы можете отвлечь гостей так, чтобы они ничего не заметили.

— От чего отвлечь?

— От того, что счастье сейчас немного меняет форму.

Мать невесты сузила глаза.

— Торт?

— Вы слишком умны для этой свадьбы.

— Я знала! Я говорила Алине, что нельзя доверять людям с такими красивыми буклетами!

— Именно поэтому сейчас вы произнесёте тост. Красивый. Короткий. Без упоминания буклетов, бывших ошибок дочери и цены банкета.

— Я не смогу коротко.

— Сможете. Ради Алины.

Имя дочери действовало лучше любых аргументов. Ирина Викторовна вдохнула, кивнула и пошла к микрофону с видом генерала, которому наконец доверили наступление.

Варя осталась на месте, позволяя себе три секунды усталости. Только три. На четвёртой к ней подлетел жених.

— Варвара Сергеевна, — Миша был бледный, — а кольца у моего брата.

— Где брат?

— В туалете.

— Почему?

— Волнуется.

— Из-за колец?

— Из-за моей двоюродной сестры. Он ей вчера написал, а она пришла с мужем.

Варя закрыла глаза.

— Миша.

— Да?

— Запомни первое правило семейной жизни: никогда не доверяй важные вещи мужчине, который пишет двоюродной сестре невесты накануне свадьбы.

Он жалобно кивнул.

— Что делать?

— Дышать. Улыбаться. Жениться. Кольца я найду.

Она нашла брата через четыре минуты. Не в туалете, а на балконе, где тот стоял с видом трагического героя и пытался спрятать коробочку с кольцами за спиной, будто Варя была не свадебным координатором, а следователем.

— Сюда, — сказала она.

— Я не могу.

— Можете.

— Она пришла с мужем.

— Какая неожиданность для женщины, которая замужем.

— Вы не понимаете.

— Я понимаю слишком много. Поэтому отдайте кольца, пока я не начала понимать вслух.

Он отдал.

Когда Варя вернулась в зал, торт уже выглядел не как ошибка доставки, а как смелая дизайнерская задумка. Персиковый цвет вдруг оказался тёплым акцентом, золотая надпись исчезла под цветами, а гости, разогретые речью Ирины Викторовны, были готовы принять что угодно, если это подадут уверенно.

Варя подала.

И зал аплодировал.

Она стояла у сцены, держа микрофон, чувствовала, как прядь волос прилипла к виску, как туфли превратились в орудие пытки, как спина ныла от многочасовой гонки, и всё равно улыбалась. Потому что праздник спасён. Невеста счастлива. Жених жив. Брат с кольцами не сбежал. Мать невесты не объявила войну ресторану.

Победа.

Почти.

— Вот, значит, как теперь работают премиальные мероприятия, — раздался голос у неё за спиной. — Координатор выходит на сцену, шутит, машет руками и делает вид, что это профессионализм.

Варя узнала этот голос раньше, чем обернулась.

Демид Левин.

Её бывший начальник. Владелец свадебного агентства Идеальный день, человек с идеально уложенными волосами, идеально дорогими часами и идеально пустым сердцем, если верить последним шести месяцам её работы под его руководством.

Он стоял возле сцены в чёрном костюме, с бокалом лимонада в руке и улыбкой, от которой хотелось проверить, не пропали ли столовые приборы.

Рядом с ним собрались несколько гостей. Те самые, которые всегда чувствуют запах скандала лучше, чем аромат свежих цветов.

— Демид Андреевич, — сказала Варя спокойно. — А я всё думала, чего празднику не хватает. Оказывается, оценки жюри.

Он усмехнулся.

— Осторожнее, Варвара. Ты же сейчас работаешь не на кухне у подружки, а на серьёзном событии.

— Именно поэтому я и занята. В отличие от некоторых приглашённых экспертов по чужой занятости.

Кто-то тихо прыснул.

Демид сделал шаг ближе.

— Ты всегда была слишком громкой. Слишком резкой. Слишком... — он окинул её взглядом сверху вниз, будто выбирал слово не для смысла, а для удара, — неформатной.

Варя почувствовала, как внутри что-то остановилось.

Не сломалось. Нет. Она давно научилась не ломаться от чужих слов. Но остановилось — как музыка, когда кто-то выдёргивает провод.

Неформатной.

Слово было старое. Знакомое. Сначала его говорили осторожно: Для этой должности нужен другой формат. Потом мягко: Клиенты бывают капризные, ты понимаешь. Потом весело: Ну ты у нас характерная, Варя, тебе бы мероприятия попроще. А потом уже прямо, без упаковки: Премиум-клиент хочет рядом с собой картинку. Ты хорошая, но не картинка.

Она тогда ушла сама.

Думала, тихо.

Демид, похоже, решил, что недостаточно.

— Премиальные свадьбы требуют лёгкости, — продолжил он, наслаждаясь вниманием. — Элегантности. Умения быть фоном. А ты, Варвара, всегда тянешь одеяло на себя. Видимо, характер не помещается в рамки профессии.

Гости замолчали.

Алина побледнела у президиума. Миша сделал шаг вперёд, но Варя едва заметно подняла руку, останавливая его. Не надо. Это был её бой. Непрошенный, некрасивый, публичный, но её.

Она посмотрела на Демиду и вдруг улыбнулась.

Не той рабочей улыбкой, которая спасает банкеты. Другой. Тёплой, широкой, опасной.

— Демид Андреевич, а вы знаете, что самое интересное в слове неформатная?

Он чуть прищурился.

— Просвети.

— Его обычно используют люди, которые так долго впихивали себя в чужие рамки, что теперь боятся всего, что из них не выпадает, а выходит красиво.

В зале кто-то хмыкнул.

Варя повернулась к гостям, всё ещё держа микрофон.

— Дорогие гости, раз уж у нас вечер любви, позвольте маленький внеплановый тост. За всех неформатных. За тех, кто слишком громко смеётся, слишком честно отвечает, слишком ярко выглядит, слишком много чувствует и слишком плохо помещается в чужие представления об удобстве.

Ирина Викторовна первая подняла бокал.

Варя продолжила, глядя уже прямо на Демиду:

— За женщин, которых называют не тем размером, когда на самом деле просто не могут выдержать их масштаб. За мужчин, которые женятся не на картинке, а на живом человеке. И за профессионалов, которые спасают свадьбы не потому, что умеют быть фоном, а потому что умеют держать удар, когда фон начинает осыпаться штукатуркой.

Тишина длилась одну секунду.

Потом Алина захлопала.

За ней Миша.

Потом мать невесты.

Потом весь зал.

Аплодисменты поднимались волной — неровной, живой, оглушительной. Варя стояла в их шуме и чувствовала, как горят щёки. Ей хотелось рассмеяться. И одновременно уйти в служебный коридор, сесть на пустой ящик из-под цветов и позволить себе хотя бы минуту слабости.

Но она не дала Демиду увидеть эту минуту.

Она наклонила голову.

— Хорошего вечера, Демид Андреевич. Осторожнее с персиковым тортом. Он тоже не по вашему формату, но гости довольны.

Зал снова засмеялся.

Демид побледнел от злости, но ответить не успел. Музыканты, наконец поймавшие настроение, заиграли весёлую мелодию, и Варя плавно вернула праздник туда, где он должен был быть: к молодым, а не к её публичной казни.

Она доработала вечер без единой ошибки.

Проследила за выносом торта. Поймала букет, который официант едва не поставил в вазу для декора. Убедила дядю жениха не петь второй раз. Вернула потерянную фату. Отправила счастливых молодожёнов в финальный танец. Улыбалась фотографу, благодарила персонал, собирала забытые конверты, проверяла список подрядчиков.

И только когда последний гость вышел, когда зал опустел, когда на полу остались лепестки, салфетки и следы чужого счастья, Варя наконец сняла туфли.

Ступни коснулись холодного пола.

Она стояла посреди банкетного зала, босая, с растрёпанной причёской, в платье, которое уже не держало форму, и смотрела на погасшую арку.

Праздник закончился.

А вместе с ним, кажется, закончилась и её репутация.

Потому что в этом городе профессиональная среда была теснее, чем корсет на невесте, решившей похудеть за три дня до свадьбы. Демид умел улыбаться в лицо и шептать за спиной. После сегодняшнего он не остановится. Расскажет, что Варвара устроила скандал. Что перетянула внимание. Что не умеет держать статус. Что премиальным клиентам с ней опасно.

Она села на край сцены и тихо выдохнула.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Алины.

Варя, ты спасла мой день. И меня тоже. Спасибо. Миша говорит, если бы ты была свободна, он бы женился на тебе второй раз. Я сказала, что убью. Но благодарно.

Варя рассмеялась.

Смех вышел неровным.

Она приложила телефон к груди, посмотрела на пустой зал и сказала вслух:

— Ну вот. Хоть кто-то сегодня готов взять меня замуж.

Ей никто не ответил.

Только в дальнем углу шуршала скатерть, которую снимал уставший официант.

На следующий день дождь пришёл в город без приглашения, зато с характером. Он барабанил по подоконникам, размазывал вывески, превращал тротуары в серые зеркала и делал всех прохожих одинаково недовольными.

Варя стояла перед дверью с вывеской:

Агентство XL Возвращаем женщинам деньги, уверенность и право улыбаться первыми.

Ниже мелким шрифтом было добавлено:

Разводы. Увольнения. Измены. Публичные унижения. Сложные переговоры. Репутационные катастрофы.

Варя перечитала последнюю строку дважды.

— Ну здравствуйте, родственники, — пробормотала она.

Она узнала об агентстве от Алины. Та утром прислала не только благодарность, но и контакт Майи Лавровой с припиской: Ты вчера была богиней. Богиням нужны союзницы. Напиши ей.

Варя не написала.

Она пришла лично.

Потому что после публичных унижений у неё было правило: если уж падать лицом в новую жизнь, то хотя бы в помаде.

Дверь открылась легко.

Внутри пахло кофе, бумагой, свежими цветами и какой-то странной уверенностью, которую невозможно было купить в магазине, но хотелось разлить по флаконам и продавать женщинам после тяжёлых разводов.

Офис был не похож на юридическую контору и не похож на салон красоты, хотя в нём было и то и другое. На одной стене висели рамки с благодарностями. На другой — фотографии женщин: улыбающихся, разных, живых. У стойки стояло кресло глубокого изумрудного цвета, рядом — ваза с крупными жёлтыми цветами.

За столом сидела женщина лет сорока с короткой стрижкой, прямой спиной и взглядом, от которого хотелось сразу сказать правду, потому что врать было бы неудобно.

— Варвара Синицына? — спросила она.

— Зависит от того, с какой целью вы спрашиваете.

Женщина улыбнулась.

— Майя Лаврова. Цель мирная. Пока.

— Обнадёживает.

— Алина написала мне ночью десять сообщений о том, что вы спасли ей свадьбу, мать, торт, жениха и веру в человечество.

— Жениха спасла частично. Он сам справлялся. Просто побледнел красиво.

— И ещё она написала, что вас публично попытались унижить.

Варя медленно сняла плащ.

— Попытались — хорошее слово. Я предпочитаю считать, что человек вышел на сцену, поскользнулся на собственном высокомерии и упал в аплодисменты.

Майя рассмеялась тихо, но искренне.

— Проходите. У нас как раз день для женщин, которые умеют держаться, пока им больно. Эта фраза ударила неожиданно мягко.

Варя на секунду отвела взгляд к фотографиям на стене.

— Я не уверена, что мне нужна помощь.

— Обычно так говорят те, кому нужна не помощь, а нормальные условия для следующего шага. Это разные вещи.

Из соседней комнаты вышла высокая блондинка в кремовом костюме. В руках она держала папку, красную ручку и выражение лица, с которым, вероятно, можно было отменить чужой брачный договор одним взглядом.

— Майя, если это клиентка по делу Климова, я требую моральную компенсацию в виде тишины.

— Это Варвара.

Блондинка оценила Варю быстро и без липкой вежливости.

— Инга. Юрист. Я не обнимаю людей при знакомстве, зато могу объяснить, почему бывшие мужья внезапно начинают уважать закон.

— Приятно познакомиться, — сказала Варя. — Я не бывший муж, но уже чувствую уважение.

Инга кивнула так, будто это было разумное начало отношений.

Третья появилась почти сразу: миниатюрная темноволосая девушка в ярком свитере, с сантиметровой лентой на шее и чашкой кофе в руке.

— Полина, — представилась она. — Я отвечаю за стиль, настроение и ситуации, когда женщина говорит: Мне нечего надеть, имея шкаф размером с отдельную квартиру.

Варя посмотрела на неё с интересом.

— А если женщина говорит: Мне есть что надеть, но общество не готово?

— Тогда мы одеваем женщину так, чтобы общество присело и подумало о своём поведении.

— Кажется, я пришла по адресу.

Майя указала на диван.

— Садитесь. Расскажите, что произошло.

Варя села. Диван оказался мягким, но не проваливающимся, как плохие обещания. Она рассказала коротко: свадьба, ведущий, торт, Демид, неформатная, аплодисменты, пустой зал, утро с тяжестью в груди. Без драматизма. Без лишних деталей. Так, как рассказывают историю, которую уже почти пережили, но ещё не вынули из себя окончательно.

Майя слушала, не перебивая.

Инга делала пометки.

Полина хмурилась всё сильнее.

— Я бы подобрала вам для следующей встречи красный костюм, — сказала она, когда Варя закончила. — Не агрессивный. Умный. Чтобы он понял: перед ним не женщина, которую он обидел, а женщина, которая теперь стоит дороже.

— Перед кем? — спросила Варя.

Полина моргнула.

— Перед Демидом.

— Я не собираюсь к Демиду.

— Очень жаль. Я уже мысленно испепелила его посадкой жакета.

Майя откинулась на спинку кресла.

— А работать вы сейчас готовы?

Варя посмотрела на неё.

— Это собеседование?

— Почти.

— В агентство?

— На один нестандартный проект. Нам нужен человек, который умеет держать зал, читать людей, быстро импровизировать и не падает в обморок, когда богатые мужчины считают себя центром вселенной.

— Богатые мужчины часто считают себя центром вселенной. Вопрос в том, есть ли рядом женщина с телескопом.

Инга подняла глаза от блокнота.

— Берём.

Майя улыбнулась.

— Не так быстро. Проект деликатный. Клиент сложный.

— Насколько сложный?

— Глеб Ордынцев.

Полина выразительно присвистнула.

Инга поморщилась.

— Сложный — слишком мягкое слово.

Варя перевела взгляд с одной на другую.

— Я должна знать это имя?

— Владелец строительного холдинга, — сказала Майя. — Большие контракты, жёсткие переговоры, семейный совет директоров, репутация человека, который улыбается только тогда, когда кто-то подписал невыгодные условия.

— Очаровательно. И что ему нужно от агентства XL? Вернуть уверенность после развода?

— Невеста, — сказала Майя.

Варя решила, что ослышалась.

— Простите?

Инга с невозмутимым видом перелистнула страницу.

— Ему нужна невеста. Временная. Для семейного ужина.

— Временная невеста, — повторила Варя. — Это как временная пломба, только в белом платье?

Полина прыснула в чашку.

Майя не улыбнулась, но глаза у неё потеплели.

— У него семейный конфликт. Бабушка настаивает, что он должен остепениться, иначе часть семейных решений уйдёт мимо него. Плюс есть важная деловая встреча, где образ стабильного семейного человека ему нужен как воздух. Он обратился не напрямую за невестой, конечно. Он хотел консультанта по репутационному сопровождению личного мероприятия.

— Ага. То есть невесту, только с галстуком в формулировке.

— Именно.

Варя встала.

— Нет.

— Вы ещё не слышали условия.

— Майя, я вчера выслушала от бывшего начальника, что я не формат для премиальных свадеб. Сегодня вы предлагаете мне стать декорацией на семейном ужине у мужчины, который, судя по описанию, измеряет людей пунктами договора. Это не работа. Это способ проверить, насколько у меня развито чувство саморазрушения.

— Я предлагаю вам не быть декорацией, — спокойно сказала Майя. — Я предлагаю вам посмотреть на мужчину, который думает, что ему нужна удобная женщина, и решить, насколько дорого он ошибается.

Варя замолчала.

Инга протянула ей тонкую папку.

— Условия предварительные. Ничего не подписано. Я бы половину вычеркнула, вторую половину сожгла взглядом, но Майя просила быть дипломатичной.

— А вы были?

— Я сказала предварительные. Это мой максимум.

Варя не взяла папку сразу.

Она смотрела на неё так, будто внутри лежало не деловое предложение, а входной билет в очередной чужой спектакль, где ей снова отводили роль удобной. Только теперь декорации были дороже, мужчина влиятельнее, а унижение могло оказаться аккуратнее. Не громким, как у Демида. Тихим. Вежливым. Оплаченным.

— Почему я? — спросила она.

Майя ответила не сразу.

— Потому что вчера вы сделали из катастрофы праздник. Потому что вы умеете говорить так, что люди сначала злятся, а потом слушают. Потому что вы не пытаетесь стать меньше, когда кто-то требует больше пространства для своего эго. И потому что Глебу Ордынцеву не нужна послушная актриса. Хотя он этого ещё не понимает.

Варя взяла папку.

— Я хотя бы могу сначала посмотреть на этого коллекционера удобных женщин?

Инга глянула на часы.

— Он будет через семь минут.

— Как предусмотрительно.

— Он привык не ждать.

— А я привыкла, что мужчины с такой привычкой особенно красиво учатся.

Через семь минут дверь агентства открылась.

Не хлопнула. Не скрипнула. Просто открылась так уверенно, будто сама дверь заранее подписала согласие.

Глеб Ордынцев вошёл без зонта, хотя дождь за окном всё ещё шёл стеной. На его тёмном пальто не было почти ни капли. Видимо, даже погода понимала, что с этим человеком лучше не спорить.

Он был высоким, широкоплечим, с холодным лицом и внимательными серыми глазами. Не красивым в мягком смысле, а опасно собранным. Такие мужчины не входят в комнату — они меняют в ней температуру. Разговоры стихают, спины выпрямляются, чашки ставятся на стол аккуратнее.

Варя ненавидела, что заметила это сразу.

Ещё больше она ненавидела, что он тоже сразу заметил её.

Его взгляд задержался на ней на долю секунды дольше, чем требовала вежливость. Не оценивающе в стиле Демида, не липко, не грубо. Холодно. Точно. Как будто он сверял реального человека с задачей.

Это раздражало сильнее.

— Майя, — сказал он.

Голос у него был низкий, спокойный, без лишних интонаций. Голос человека, который не просит дважды, потому что обычно ему отвечают с первого раза.

— Глеб, — кивнула Майя. — Знакомьтесь. Варвара Синицына.

Он повернулся к ней.

— Добрый день.

— Для кого как, — ответила Варя.

Полина закашлялась.

Инга заинтересованно подняла бровь.

Глеб не изменился в лице.

— Мне сказали, вы умеете справляться с нестандартными ситуациями.

— Мне сказали, вам нужна нестандартная ситуация в образе невесты.

— Мне нужна женщина, способная корректно вести себя на семейном ужине.

— Тогда вам в институт благородных молчалиниц. Здесь агентство XL.

В уголке его рта что-то дрогнуло. Не улыбка. Скорее предупреждение улыбки, которое он успел отменить.

— Я ценю чувство юмора, когда оно не мешает делу.

— Какое совпадение. Я ценю властных мужчин, когда они не путают дело с покупкой человека.

Майя медленно поставила чашку на стол.

— Предлагаю всем сесть.

Глеб снял пальто, повесил его на стойку и сел в кресло напротив Варвары. Двигался он экономно, без суеты. В нём вообще не было суеты. Был порядок. Варя знала таких людей. Они приходят в ресторан, и официант начинает нервничать ещё до заказа. Они не повышают голос, потому что привыкли, что тишина вокруг них работает лучше крика.

Она села напротив и открыла папку.

На первой странице было написано:

Соглашение о временном репутационном сопровождении семейного мероприятия.

Варя прочитала заголовок.

Потом ещё раз.

— Какая прелесть, — сказала она. — Даже фиктивной невестой теперь нельзя стать без корпоративного названия.

Глеб положил перед собой тонкую серебристую ручку.

— Формулировка защищает обе стороны.

— Уже чувствую себя защищённой. Особенно от романтики.

— Романтика не является предметом соглашения.

— Разумеется. Она бы не прошла ваш отдел контроля качества.

Инга тихо кашлянула, явно пряча смехок.

Глеб открыл свой экземпляр.

— Срок участия — три месяца. Первый этап — семейный ужин у Раисы Павловны Ордынцевой в эту субботу. Вы представляетесь моей невестой. История знакомства будет согласована заранее. Ваша задача — поддерживать легенду, не вступать в конфликт с членами семьи, не давать интервью, не обсуждать финансовые вопросы, не нарушать установленные границы мероприятия.

— Чудно, — сказала Варя. — А дышать можно по согласованию или в свободном режиме?

— Варвара Сергеевна.

— Глеб... простите, как вас по отчеству?

— Максимович.

— Глеб Максимович, вы сейчас перечислили обязанности комнатного растения с паспортом. Только растение ещё можно поливать без адвоката.

Его взгляд стал чуть острее.

— Я привык заранее проговаривать условия.

— Нет. Вы привыкли заранее лишать вторую сторону возможности быть живой.

— Вы делаете выводы слишком быстро.

— А вы слишком быстро раздаёте инструкции женщине, которую видите впервые.

На секунду между ними повисла тишина.

Дождь стучал по окну. Где-то в соседней комнате Полина слишком аккуратно поставила чашку. Майя молчала, наблюдая. Инга, кажется, мысленно открыла воображаемый протокол заседания.

Глеб откинулся на спинку кресла.

— Хорошо. Что вас не устраивает?

Варя посмотрела в договор.

— Пункт три: Исполнитель обязуется соответствовать утверждённому образу. Убираем.

— Образ необходим.

— Мне не нужен мужчина, который до ужина уже решает, какой женщиной я должна казаться.

— Вы будете представлять не себя, а мою невесту.

— Вот именно. Если ваша невеста будет выглядеть как женщина, которой вы выдали инструкцию к лицу, бабушка раскусит вас быстрее, чем я успею сказать репутационное сопровождение.

Майя улыбнулась краешком губ.

Глеб посмотрел на неё, потом снова на Варю.

— Раиса Павловна наблюдательна.

— Тогда начните с правдоподобия. Женщина, которая якобы согласилась выйти за вас, должна иметь хотя бы одну причину не сбежать через окно.

— И какая причина подойдёт?

Варя подняла глаза.

— Пока не знаю. Вы ещё не дали материала.

На этот раз он точно почти улыбнулся.

Почти.

И это почему-то сбило её сильнее, чем его холодность.

Она взяла красную ручку Инги.

— Можно?

Инга протянула её с видом священнослужителя, передающего меч.

— С удовольствием.

Варя перечеркнула пункт.

— Дальше. Исполнитель не вступает в дискуссии с родственниками заказчика. Убираем.

— Это принципиально, — сказал Глеб.

— Тогда наймите манекен. Я живой человек. Если ваша семья задаст мне вопрос, я отвечу. Если меня попытаются унижить, я отвечу красиво. Если меня попросят молчать, я подумаю. Но обещать молчание заранее не буду. У меня с этим исторически плохо.

— Я заметил.

— Вы ещё ничего не заметили. Пока вы только смотрите.

Он медленно провёл пальцем по краю договора.

— Вы всегда так ведёте переговоры?

— Нет. Иногда я ещё добрее.

Полина не выдержала и отвернулась к окну.

Варя продолжила:

— Пункт семь. Внешний вид согласовывается с заказчиком. Исправляем. Внешний вид согласовывается со мной. Полина может помочь. Вы можете высказать мнение, если научитесь делать это без слова должна.

— Я не собирался диктовать вам платье.

— Тогда пункт не пострадает от удаления.

Она перечеркнула.

Глеб смотрел на неё уже не как на проблему. Скорее как на задачу, которая внезапно начала задавать вопросы экзаменатору.

— Вы понимаете, что речь идёт о серьёзном мероприятии?

— А вы понимаете, что серьёзность не отменяет уважение?

Он замолчал.

Впервые с момента его появления в кабинете Варя увидела не раздражение и не холодный расчёт, а короткую задержку. Будто фраза попала не туда, куда он ожидал. Не в броню. В щель.

Она быстро отвела взгляд обратно к договору.

— Пункт одиннадцать. Исполнитель избегает проявления чрезмерных эмоций. Великолепно. Кто определяет чрезмерность? Вы?

— Семейные встречи у Ордынцевых не предполагают экспрессивности.

— Бедные семейные встречи. Им, наверное, очень скучно.

— Варвара Сергеевна.

— Глеб Максимович.

— Вы можете хотя бы один пункт оставить без комментария?

— Конечно. Когда найду человеческий.

Инга тихо сказала:

— Я официально счастлива.

Майя бросила на неё предупреждающий взгляд, но без строгости.

Глеб взял договор, просмотрел зачёркнутые строки и положил обратно.

— Вам предлагают высокую оплату за несколько мероприятий.

— Мне предлагают деньги за роль женщины, которую удобно показать семье.

— Вы неверно формулируете.

— Нет, это вы неверно формулируете. Просто у вас бумага дороже.

Варя закрыла папку.

— Давайте честно. Вам не нужна невеста. Вам нужен аргумент в человеческом облике. Желательно воспитанный, благодарный и без собственной повестки. Вы пришли купить тишину, улыбку и легенду. Но у меня есть плохая новость.

Глеб смотрел прямо.

— Какая?

Она улыбнулась.

— Я плохо продаюсь комплектом.

Майя поднялась.

— Я оставлю вас на пять минут. Инга, Полина.

— Почему? — тут же спросила Полина.

— Потому что некоторые переговоры полезно проводить без зрительного зала.

— Я не зрительный зал, я группа поддержки.

— Именно поэтому.

Когда они вышли, в кабинете стало тише. Слишком тише.

Варя вдруг остро почувствовала, что осталась с Глебом вдвоём. Без Майи, которая держала пространство. Без Инги с её красной ручкой. Без Полины, готовой прикрыть шуткой любую неловкость.

Только она, он и договор, похожий на повод для драки.

Глеб первым нарушил молчание.

— Вы могли бы отказаться сразу.

— Могу и сейчас.

— Но не отказываетесь.

— Я изучаю степень бедствия.

— И как оценка?

— Дорогое. Самоуверенное. Неплохо сидит в кресле.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Вы не боитесь говорить лишнее.

— Боюсь. Просто говорю раньше, чем страх успевает надеть галстук.

Эта фраза вышла слишком честной.

Варя сама это поняла и тут же пожалела. Не потому что стыдилась страха. А потому что не хотела отдавать ему ничего настоящего.

Но Глеб не ухватился за слабое место. Не усмехнулся. Не надавил.

— Почему вы ушли из Идеального дня? — спросил он.

Она напряглась.

— А вы уже знаете, где я работала?

— Я проверяю людей, с которыми собираюсь иметь дело.

— Как приятно. Я уже почти чувствую себя невестой, а не подрядчиком с досье.

— Это не досье.

— Конечно. Просто папка с фактами, собранными без моего участия. Совсем другое дело.

Он принял удар молча.

— Я спрашиваю не для того, чтобы задеть.

— Но получается у вас природно.

— Варвара.

Её имя в его голосе прозвучало неожиданно иначе. Без отчества. Не мягко, нет. Но ближе.

Она не ответила сразу.

Потом пожала плечом.

— Я ушла, потому что устала доказывать, что профессионализм не измеряется размером платья, громкостью смеха и умением быть незаметной. Устала видеть, как клиенты благодарят меня за спасённый праздник, а начальство делает вид, что я испортила картинку. Устала быть полезной, но неудобной.

Глеб смотрел на неё без перебивания.

Это было опасно.

Когда мужчина спорит, легче злиться. Когда молчит и слушает — приходится слышать себя.

— Вчера ваш бывший начальник попытался добить это публично, — сказал он.

Варя усмехнулась.

— Вы быстро собираете информацию.

— Быстро оцениваю риски.

— Я для вас риск?

— Да.

Ответ был таким честным, что она не сразу нашлась.

— Обычно мужчины говорят это романтичнее.

— Я не романтик.

— Я заметила. У вас даже фиктивная помолвка звучит как тендер.

Он чуть наклонился вперёд.

— Вы риск, потому что не будете делать вид, если ситуация пойдёт не так. Потому что не испугаетесь моей семьи. Потому что можете сказать лишнее. Потому что способны сорвать ужин одной фразой.

— И после такой вдохновляющей рекомендации вы всё ещё хотите нанять меня?

— Да.

— Почему?

Глеб посмотрел на зачёркнутый договор.

— Потому что моя семья почует фальшь быстрее, чем вы думаете. А вы, как ни странно, выглядите настоящей даже тогда, когда спорите из принципа.

Сердце Варвары сделало глупость.

Маленькую. Непрофессиональную. Совершенно неуместную.

Оно дрогнуло.

Она тут же мысленно наступила ему на ногу.

— Слабоватый комплимент, но для человека, у которого романтика не является предметом соглашения, сойдёт.

— Это не комплимент.

— Разумеется. У вас все тёплые слова проходят под видом аналитики.

На этот раз он улыбнулся.

Ненадолго. Сдержанно. Почти незаметно.

Но улыбнулся.

И Варя внезапно поняла, что этот мужчина, когда улыбается, становится не мягче, а опаснее. Потому что холодный Ордынцев был понятен: спорить, защищаться, держать дистанцию. А вот Ордынцев, у которого в глазах на секунду появлялся живой свет, сбивал настройки.

Она открыла папку снова, чтобы спрятаться за текстом.

— Мои условия.

— Слушаю.

— Первое. Я не меняю себя под вашу легенду. Да, мы согласуем историю знакомства, но я остаюсь собой.

— Принято.

Она удивлённо подняла глаза.

— Так быстро?

— У вас будет много других пунктов. Экономлю время.

— Как предусмотрительно. Второе. Если кто-то из вашей семьи позволяет себе хамство по поводу моей внешности, характера, профессии или способности быть вашей невестой, вы не стоите рядом статуей сурового успеха. Вы вмешиваетесь.

— Принято.

— Вы хотя бы делайте вид, что вам больно расставаться с контролем.

— Мне больно, но я тренирован.

Она фыркнула.

— Третье. Никаких прикосновений для убедительности без моего согласия.

— Разумеется.

— Не разумеется. Это нужно сказать вслух.

— Я не буду прикасаться к вам без вашего согласия.

Он произнёс это спокойно, без раздражения, и от этой спокойной серьёзности Варя вдруг почувствовала себя не высмеянной, а услышанной.

Это было новое ощущение.

Непривычное.

Она быстро продолжила:

— Четвёртое. Я имею право отвечать на вопросы вашей бабушки так, чтобы легенда не звучала как пресс-релиз холдинга.

— Раиса Павловна ненавидит пресс-релизы.

— Уже люблю женщину.

— Не торопитесь. Она задаст вам такие вопросы, после которых вы пересмотрите отношение к тишине.

— Я работала со свадебными мамами. Ваша бабушка меня не ломает.

— Это мы проверим в субботу.

Слово мы повисло между ними странно. Словно они уже были командой. Временной. Невероятной. Абсурдной. Но командой.

Варя поставила ручку на последнюю страницу.

— И пятое. Если вы хоть раз назовёте меня удобной, послушной, подходящей по формату или как-то ещё из этого набора корпоративной нежности, я уйду.

— Даже во время ужина?

— Особенно во время ужина.

— Это создаст проблему.

— Тогда не создавайте её первым.

Он кивнул.

— Принято.

Варя смотрела на него с подозрением.

— Вы всегда так быстро соглашаетесь, когда женщина перечёркивает половину вашего договора?

— Нет.

— А сейчас почему?

— Потому что вы правы чаще, чем мне удобно.

Она замерла.

Сказать было нечего.

И это её возмутило.

К счастью, дверь открылась, и вернулась Майя. За ней Инга и Полина, причём Полина явно пыталась выглядеть так, будто не прижимала ухо к стене.

— Ну? — спросила Майя.

Глеб поднялся.

— Мы договорились.

Инга подошла, взяла папку и посмотрела на правки.

— Варвара, вы прекрасны. Здесь договор не изменён, а морально перевоспитан.

— Он сопротивлялся, но в рамках приличия.

Полина заглянула через плечо Инги.

— О, пункт про внешний вид вы убрали. Правильно. Я уже вижу платье.

— А я ещё нет, — сказала Варя.

— Тем лучше. Сюрприз будет честнее.

Глеб застегнул пиджак.

— Ужин в субботу в семь. Машина заедет за вами в шесть.

— Не заедет, — сказала Варя.

Он остановился.

— Почему?

— Потому что я сама решу, как приеду.

— Это неудобно.

Варя медленно улыбнулась.

— Осторожнее.

Глеб понял сразу.

В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Хорошо. Тогда я пришлю адрес.

— Вот теперь вы говорите как почти воспитанный жених.

— Почти?

— Не расслабляйтесь. До субботы вы ещё можете всё испортить.

Он взял папку у Инги, поставил подпись на исправленном варианте предварительного соглашения и протянул ручку Варваре.

Она подписала.

Не потому, что доверяла ему. Не потому, что ей нравилась эта странная игра. Не потому, что деньги были не нужны, хотя они были нужны. Очень.

Она подписала потому, что вчера Демид сказал ей: не формат.

А сегодня Глеб Ордынцев, сам того не понимая, предложил ей выйти на сцену, где формат придётся определять ей самой.

Когда подпись легла на бумагу, Глеб убрал свой экземпляр в папку.

— Есть ещё одно условие.

Варя подняла глаза.

— Конечно. Я уже начала скучать.

— Если вы сорвёте семейный ужин, вы выплачиваете штраф.

Инга резко повернула голову.

— Этого не было в финальной версии.

— Это устное условие, — спокойно сказал Глеб. — Для равновесия.

Варя медленно встала.

Теперь они стояли почти вплотную, разделённые только столом, договором и его привычкой думать, что последнее слово должно принадлежать ему.

Она посмотрела на него снизу вверх, но ощущения снизу почему-то не возникло.

— Прекрасно, Глеб Максимович. Тогда моё встречное устное условие.

— Слушаю.

— Если вы хоть раз назовёте меня удобной, штраф заплатите вы.

— Финансовый?

— Нет. Моральный.

— И как он рассчитывается?

Варя улыбнулась так сладко, что Полина за её спиной тихо сказала:

— Ой.

— Очень просто, — ответила Варя. — Вы публично признаете, что женщина может быть не вашего размера, не вашего формата, не вашего сценария... и всё равно быть лучшим, что случилось с вашим ужином.

Глеб долго смотрел на неё.

Потом протянул руку.

— Договорились.

Варя посмотрела на его ладонь.

Сильная. Тёплая, наверное. Уверенная.

Она вложила свою руку в его.

Рукопожатие должно было быть деловым.

Оно и было деловым.

Первые две секунды.

На третьей Варя почувствовала, что он не сжимает её пальцы сильнее, чем нужно. Не давит. Не демонстрирует власть. Просто держит. Твёрдо, внимательно, почти осторожно.

И от этой осторожности ей стало куда тревожнее, чем от всех его условий.

Глеб отпустил первым.

— До субботы, Варвара Сергеевна.

— До субботы, почти жених.

Он уже повернулся к двери, но после этих слов остановился.

— Почти?

— Пока вы только испытательный образец.

— У вас есть критерии оценки?

— Разумеется. Я же теперь репутационное сопровождение с характером.

Глеб посмотрел на неё через плечо, и в этот раз улыбка всё-таки появилась. Маленькая. Опасная. Настоящая.

— Тогда постараюсь не провалить первый этап.

Дверь закрылась за ним мягко.

В офисе повисла тишина.

Потом Полина выдохнула:

— Девочки, я не хочу торопить события, но у меня ощущение, что в субботу семейный ужин Ордынцевых впервые за много лет будет с десертом и пожаром.

— Без пожара, — строго сказала Майя.

Инга поправила очки.

— Пожар можно заменить юридически корректным эмоциональным ущербом.

Варя всё ещё смотрела на дверь.

Её ладонь помнила тепло рукопожатия.

Это было глупо. Совершенно глупо. Она знала мужчин вроде Глеба Ордынцева. Они входили в жизнь с договором, обещали порядок, а потом удивлялись, когда рядом с ними кому-то становилось тесно дышать.

Но этот хотя бы слушал.

Опасное качество.

Майя подошла к ней.

— Вы уверены?

Варя повернулась.

— Нет.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Уверенность часто мешает видеть правду. Сомнение полезнее.

— А если я ошиблась?

Майя посмотрела на подписанный договор.

— Тогда в субботу вы это поймёте. И уйдёте.

— А если не ошиблась?

Полина мечтательно прижала папку к груди.

— Тогда мы подберём вам такое платье, что его бабушка благословит вас, семья подавится своими ожиданиями, а Глеб Ордынцев впервые забуд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.